

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ
К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ 1949 ГОДА
КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 356
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Валентина Влаго Лисаускайте,
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
vlado@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена особенностям детальной юридической характеристики отдельных норм Дополнительных протоколов 1977 г. и 2005 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны в контексте понимания военных преступлений, закрепленных в диспозиции статьи 356 УК РФ.

Материалы и методы: материалами послужили Дополнительные протоколы I и II 1977 г. и Дополнительный протокол III 2005 г. к Женевским конвенциям 1949 г. в преломлении к положениям ст. 356 УК РФ. В исследовании применялись методы анализа, сравнения и синтеза для выявления наиболее значимых положений международных норм и их преломления к содержанию диспозиции указанного состава преступления.

Обзор литературы: при написании научной статьи использовались работы О.Ф. Эфендиева, П.П. Степанова, Р. Козирника и других исследователей в сфере роли норм международного гуманитарного права в вопросе установления ответственности за военные преступления.

Результаты исследования: результатом работы стала итоговая оценка проанализированных Дополнительных протоколов как международных договоров РФ относительно закрепления военных преступлений и их видов в контексте их отражения в диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу о необходимости детализации преступных деяний в рамках диспозиции ст. 356 УК РФ. Проведенное исследование позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию норм уголовного закона, что призвано способствовать более качественному применению положений ст. 356 УК РФ при квалификации преступлений. Автор представил подробную юридическую характеристику указанных договоров в целях дальнейшего совершенствования норм российского законодательства о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: военные преступления; преступления против мира и безопасности человечества; дополнительные протоколы; методы ведения войны; средства ведения войны; женевские конвенции; комбатанты; некомбатанты; вооруженный конфликт; международный договор РФ

© Лисаускайте В.В., 2024

Для цитирования: Лисаускайте В.В. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года как источник толкования военных преступлений, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 101 – 110. DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

Scientific article
UDC 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

**ADDITIONAL PROTOCOLS TO THE GENEVA CONVENTIONS OF 1949
AS A SOURCE OF INTERPRETATION OF WAR CRIMES UNDER ARTICLE 356
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Valentina Vlado Lisauskaite,
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
vlado@mail.ru

Abstract

Introduction: the article covers features of detailed juridical characteristics of certain provisions of the Additional Protocols for 1977 and 2005 years to Geneva Conventions 1949 on the Protection of War Victims in the context of war crimes laid down in the wording of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: during the study, the author used 1977 Additional Protocol I and II, and 2005 Additional Protocol III to the Geneva Conventions in 1949 with regard to Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also used analysis, comparison and synthesis methods to reveal the most critical points of international norms with regard to the wording of the wording to the abovementioned corpus delicti.

Literature Review: the author used works of O.F. Efendiev, P.P. Stepanov, R. Kozirnika and other researchers in international humanitarian law on the issue of establishing responsibility for war crimes.

Results: the final evaluation for the studied Additional Protocols as international treaties of the Russian Federation on codifying corpus delicti of war crimes and their types in the light of their reflection in the wording of corpus delicti of the crime under Article 356 of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the author concludes that it is necessary to detail criminal acts under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study conducted allowed suggest improvements in criminal law to a better use of positions of Article 356 to qualify the crimes. The author presents detailed juridical characteristics of the abovementioned treaties to improve Russian legislation on the crimes against the Peace and Security of Mankind.

Keywords: war crimes; crimes against peace and security of mankind; Additional Protocols; methods of warfare; means of warfare; victims of war; Geneva conventions; combatants; non-combatants; armed conflict; international treaty of the Russian Federation

© Lisauskaite V.V., 2024

For citation: Lisauskaite V.V. Additional Protocols to the Geneva Conventions of 1949 as a Source of Interpretation of War Crimes Under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):101-110. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

Введение

Со времени принятия Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов прошло достаточное время, в течение которого в мире происходили различные события, потребовавшие корректировки положений данных соглашений. Как отмечает О.Ф. Эфендиев, женевские нормы не всегда способны учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху растущего научно-технического прогресса [1, с. 24].

Как характерно в целом для международного права, изменения и дополнения не вносятся в сам текст документа, а принимаются в формате отдельного международного договора, именуемого Протоколом (факультативным, дополни-

тельным, с номером или конкретным наименованием).

Материалы и методы

Юридическую основу исследования составили международные договоры Российской Федерации в области международного гуманитарного права, принятие которых привело к изменению и уточнению ранее действовавших Женевских конвенций, устанавливающих обязательства государств относительно их участия в вооруженном конфликте и соблюдения статуса конкретных категорий лиц. Исследование проведено посредством применения методов анализа правового материала и теоретических подходов, сравнения и синтеза норм международного гуманитарного права

и национального уголовного законодательства Российской Федерации для выявления наиболее значимых положений международных норм и их преломления к содержанию диспозиции ст. 356 УК РФ.

Обзор литературы

Исследованию правовой оценки указанных международных документов посвящено достаточное количество научных работ. В статье использованы позиции О.Ф. Эфендиева, П.П. Степанова, П.Н. Бугаевой и других, в чьих публикациях отражены международно-правовой и уголовно-правовой аспекты рассматриваемого вопроса.

Результаты исследования

В настоящее время действует три дополнительных протокола (далее – I ДП, II ДП, III ДП) к Женевским конвенциям (далее – I ЖК, II ЖК, III ЖК, IV ЖК), распространяющиеся на все четыре соглашения и имеющие свою юридическую специфику. Следует отметить, что, в отличие от Женевских конвенций, в Протоколах государства участвуют по-разному. И в случае нарушения положений именно Протоколов необходимо установить факт участия государства – нарушителя в конкретном документе. В настоящее время участниками Протоколов выступают около 150 государств (в зависимости от Протокола), и такое количество не рассматривается как все мировое сообщество. Соответственно, и признать их нормы общеобязательными нельзя. В тексте самих Протоколов, в отличие от Женевских конвенций, нет указания на общеобязательность их положений.

Рассмотрим их более подробно в преломлении к возможности применения в качестве источников толкования положений ст. 356 УК РФ.

I ДП распространяется на международные вооруженные конфликты совместно с положениями самих Женевских конвенций. Его положения применительно к анализируемому вопросу можно разделить на закрепление запрещенных методов ведения военных действий и детализацию правового статуса лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций, а также ряд особенностей применения этих положений.

Следует отметить, что I ДП содержит более детальное и объемное закрепление запрещенных методов ведения войны. Особое значение имеет содержание Раздела I Части III I ДП – «Методы и средства ведения войны». Р. Козирник считает, что это настоящий прорыв, который заключается в значительном нормативном развитии в области ведения военных действий [2, с. 63]. Ст. 35,

36 фактически закрепляют специальные принципы, которые налагают изначально ограничения на стороны конфликта. С учетом их содержания государства должны разрабатывать и применять такие средства и методы ведения военных действий, которые учитывают установленные в данных нормах ограничения. В случае решения вопроса об ответственности за применение запрещенных средств и методов основу ее определения будут составлять именно эти принципы, их соблюдение или нарушение.

В то же время сами принципы содержат оценочные категории, которые каждое государство может рассматривать по-своему. Важное по установлению обязательства правило нуждается в конкретизации. Этот факт отмечает в своем исследовании Д.С. Прадун [3, с. 68].

Положения ст. 37 – 40 I ДП закрепляют запрещенные методы ведения войны и их условия¹:

- запрет вероломства – действий, направленных на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он обязан предоставить защиту согласно нормам международного права с целью обмана такого доверия;

- запрет использовать отличительные эмблемы МККК и других международных признанных эмблем, знаков и сигналов;

- запрет использовать национальные флаги, эмблемы нейтральных государств или государств – неучастников конфликта;

- запрет приказа не оставлять никого в живых.

Однако данные запрещенные методы не получили самостоятельного закрепления в содержании ч. 1 ст. 356 УК РФ, но мы можем их предполагать в формулировке «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». Бланкетность такого подхода вызывает сложности квалификации преступных действий, поскольку требует специальных знаний норм международного гуманитарного права сотрудниками правоохранительных органов.

Рассматриваемые в рамках данной научной статьи международные обязательства, а также обязательства из других международных договоров РФ в области международного гуманитарного права гораздо шире по объему, чем закрепленные преступные деяния в рамках ч. 1 ст. 356 УК РФ. Анализ информационных материалов Следственного комитета Российской Федерации, представленных на сайтах информационных агентств, свидетельствует о возбуждении уголовных дел

¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

только в пределах перечисленных в норме конкретных альтернативных действий (жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением). Однако совершаются и иные преступления, подпадающие под международные договоры РФ в области установления запрещенных средств и методов ведения войны. Так, систематически страдают гражданские объекты (повреждения и разрушения жилых домов, учреждений, магазинов) в результате бомбардировок вооруженных сил противной стороны¹. Такие деяния должны рассматриваться как военные преступления, поскольку это применение запрещенного метода ведения военных действий.

Статья 12 I ДП расширяет правила I и II ЖК посредством закрепления запрета нападения на медицинские формирования, ранее такие действия были запрещены в отношении только военных госпиталей и соответствующих учреждений МККК. Таким образом, все медицинские структуры, расположенные на территории вооруженного конфликта, получают международную защиту и устанавливается единый запрет на применение такого метода ведения военных действий. Всемирная организация здравоохранения ведет статистику фактов такого нападения. Согласно ее данным, Сирия, Афганистан, Йемен и другие страны – территории, где медицинские учреждения систематически подвергаются бомбардировкам. В 2019 г. Коалиция охраны здоровья в условиях конфликта зафиксировала более 1 200 случаев применения насилия в отношении медицинских центров, транспорта, персонала и пациентов в 20 странах [4, с. 277].

Положения ст. 356 УК РФ не содержат выделенного альтернативного действия в виде нападения на медицинские учреждения в вооруженном конфликте. Такое военное преступление прячется за уже известной формулировкой «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации», однако нуждается в конкретизации, учитывая степень общественной опасности таких нападений, поскольку посягательство осуществляется на неучастников вооруженного конфликта, лиц и учреждений, находящихся под защитой международного права, в чьи задачи входит спасение раненых и больных вне

зависимости от принадлежности к сторонам конфликта.

Статья 51 I ДП устанавливает конкретные запреты на действия в отношении гражданских лиц. Они более детально регламентируют соответствующие положения IV ЖК. В данной статье фактически смешаны запрещенные методы ведения военных действий и запреты на действия в отношении гражданского населения. В качестве методов данной нормы следует отметить пп. 4, 5 ст. 51 I ДП, дающие характеристику запрета на нападение неизбирательного действия. На наш взгляд, эти положения следует закрепить в соответствующем составе военного преступления как способы применения запрещенных методов среди прочих составов в рамках УК РФ. Так, пп. а, б п.5 ст. 51 I ДП содержат перечисление условий, наличие или отсутствие которых позволяет квалифицировать действия как преступные².

Статья 54 I ДП в своем содержании подчеркивает закрепление именно запрещенного метода – голода среди гражданского населения³. То есть здесь документ переносит конкретные действия в отношении гражданского населения из механизма защиты его статуса (по положениям IV ЖК воюющие стороны обязаны, насколько возможно, обеспечивать гражданское население пропитанием⁴), в рассмотрение их в качестве уже запрещенного метода ведения войны. Однако, на наш взгляд, в данном случае при квалификации деяния необходимо будет доказать, что голод гражданского населения использовался умышленно именно как тактическое мероприятие в рамках военной стратегии боевых действий.

Статья 55 Протокола содержит ограничения относительно воздействия на окружающую среду во время боевых действий. Однако указанные в норме критерии не позволяют квалифицировать конкретные действия как нарушение, скорее, как ограничительный принцип относительно выбора средств и методов ведения войны для сохранения состояния окружающей среды насколько это возможно. В научной литературе относительно данной нормы часто высказывается общая позиция [4, с. 144 – 147; 5, с. 38 – 40; 6, с. 85 – 89] о преемственности международных обязательств по Конвенции 1976 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств

¹ Замминистра обороны России Александр Фомин провел брифинг для иностранных военных атташе (от 03.08.2022). Официальный сайт Министерства обороны России. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12431537@egNews (дата обращения: 06.02.2024).

² Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

³ Там же.

⁴ Конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 10.10.2023).

воздействия на природную среду¹. В то же время в самом соглашении нет такого официального закрепления, в отличие от ст. 53 I ДП. Часто в публикациях используется термин «экоцид», однако следует подчеркнуть, что данное понятие в I ДП не закреплено, оно имеет сугубо теоретическое применение в международном праве.

Дискуссия, которая велась государствами – участниками и при разработке Статута Международного уголовного суда и Проекта кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, свидетельствует, что пока мировое сообщество не готово официально признать и закрепить причинение вреда окружающей среде в рамках военных действий как признаки состава военного преступления. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время существует лишь закрепление принципа обязательной избирательности действий в вооруженном конфликте в отношении окружающей среды и неиспользование ее объектов в качестве первичной цели для причинения вреда иным опосредованным объектам во время боевых действий. Закрепление в УК РФ ст. 358 мы не можем рассматривать в качестве военного преступления, поскольку в диспозиции данного состава отсутствуют соответствующие признаки деяния, как и указание на них в ст. 356 УК РФ [7, с. 107 – 115].

Статья 56 I ДП закрепляет новые объекты, в отношении которых нападение запрещено: плотины, дамбы, атомные электростанции. Норма регламентирует условия такого запрета. Эти объекты обладают повышенной опасностью и должны быть исключены из объектов нападения с учетом высоких рисков последствий их повреждения или разрушения.

Детализация запретов действий в отношении лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций, закреплена в значительном количестве статей. Ст. 16 запрещает наказывать за оказание медицинской помощи раненым и больным. Такой запрет, на наш взгляд, направлен на дополнительную защиту как гражданского населения, которое эту помощь оказывает, так и самих раненых и больных.

Научный интерес представляют положения ст. 17 I ДП. В документе установлен запрет актов насилия со стороны гражданского населения в отношении раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, принадлежащих

стороне противника. Такое правило направлено на предотвращение самосуда и подтверждение статуса этих лиц, находящихся под международной защитой в любой ситуации. Норма подтверждает признание раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, в качестве жертв вооруженного конфликта, выбывших из состава его участников и получающих такие же основные права, как и гражданское население. В то же время гражданское население перестает быть субъектом защиты и становится субъектом ответственности в случае несоблюдения рассмотренной нормы Протокола.

Следует отметить закрепление ст. 76 – 79 I ДП, в которые внесен новый субъект защиты – журналисты. Эти правила наделили представителей средств массовой информации, официально осуществляющих профессиональную деятельность в вооруженном конфликте, нейтральным статусом среди участников такого конфликта. В Женевских конвенциях такого предусмотрено не было, однако развитие военной журналистики и одновременно незащищенность ее представителей, гибель большого количества журналистов привели к необходимости международно-правового закрепления их правового статуса. Умышленное нападение на журналиста, повлекшее телесные повреждения или его смерть, является военным преступлением [8].

Журналисты при исполнении своих профессиональных обязанностей в вооруженном конфликте весьма уязвимы. По статистике Комитета по защите журналистов (международная неправительственная организация), на Украине с 2022 г. при исполнении своих профессиональных обязанностей погибло около 13 журналистов². Такие факты фиксируются и Министерством обороны Российской Федерации, и Следственным комитетом Российской Федерации.

На основании информационных материалов о возбуждении уголовных дел мы можем дать только условную оценку этих событий с учетом нарушенных норм. Так, по факту гибели нескольких российских журналистов с 2014 года по настоящее время деяния, как правило, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 144 (воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов) и ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако убийство журналистов произошло представителями

¹ Конвенция 1976 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 10.10.2023).

² CPJ: 2022 год стал самым опасным для представителей СМИ за последние пять лет – убито 67 журналистов. Официальный сайт издания «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2023/01/25/cpj-2022-god-stal-samym-opasnym-dlia-predstavitelej-smi-za-poslednie-piat-let-ubito-67-zhurnalistov.html> (дата обращения: 10.01.2024).

вооруженных сил государства (комбатантами) на территории боевых действий¹. Журналисты осуществляли свою профессиональную деятельность и были экипированы в защитную форму в соответствии с положениями международных договоров Российской Федерации. Эти обстоятельства свидетельствуют о наличии дополнительных признаков, повышенной степени общественной опасности и необходимости признания таких преступлений как военных. Но такие действия не конкретизированы в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ в рамках альтернативных, а бланкетно закреплены в международных договорах Российской Федерации.

Ст. 11 I ДП фактически дополняет положения Женевских конвенций (например, ст. 12 I ЖК) относительно закрепления запрещенных действий в отношении лиц, находящихся под защитой соглашений. Некоторые из них конкретизируются более детально в сравнении с закрепленной формулировкой в Конвенциях. Так, закреплен запрет подвергать лиц какой-либо медицинской процедуре, которая не требуется по состоянию здоровья. В I ЖК указан в данном случае запрет на биологические опыты. Соответственно, I ДП более широко устанавливает запрет на действия, позволяя к медицинским процедурам отнести различные опасные для жизни и здоровья преступные деяния). Протокол закрепляет в качестве лиц защиты беженцев, апатридов, партизан, лиц, принявших участие в мероприятиях врага, в отношении которых имеются сомнения в статусе беженца [9, с. 86].

Пп. 3, 4 ст. 85 I ДП конкретизируют положения ст. 11 этого документа. Их анализ свидетельствует об итоговом обобщении и перечислении серьезных нарушений, которые в целом закреплены в этом акте для того, чтобы еще раз подчеркнуть и обратить внимание участников соглашения об установленных запретах в отношении методов ведения военных действий и защиты правового статуса жертв вооруженных конфликтов.

Анализ этого достаточно объемного по содержанию положения Протокола позволяет отметить, что, по сравнению с содержанием диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ, мы можем констатировать закрепление лишь одного из множества международных обязательств по I ДП: «депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы» в I ДП это положение закреплено как «депортация гражданского населения» в ч. 1 ст. 356 УК РФ.

В данном случае необходимо также подчеркнуть, что остальные положения рассматриваемой статьи УК РФ содержат имплементацию военных преступлений из других международных договоров Российской Федерации, которые не являются объектом нашего исследования. В то же время, на наш взгляд, закрепление в национальном законодательстве таких преступных деяний должно быть более детализировано в формате самостоятельных составов с учетом вышеобозначенных международных запретов. Например, законодатель уже начал такую работу и закрепил преступление в ст. 356¹ УК РФ «Мародерство».

Следует обратить внимание еще на ряд особенностей рассматриваемого соглашения, которые влияют на национальное закрепление и оценку военных преступлений. Ст. 8 данного Протокола содержит терминологию. Указанные в ней термины: раненые и больные; лица, потерпевшие кораблекрушение; медицинский персонал; духовный персонал и т.д., то есть категории лиц, находящиеся под защитой самих Конвенций и Протокола. Конкретизация их признаков имеет особое значение при определении преступности действий, их умышленности и иных признаков, поскольку данные лица являются жертвами военных преступлений. На наш взгляд, данные положения следует напрямую инкорпорировать в национальный закон.

Ст. 57 – 58 I ДП закрепляют обязательства сторон конфликта – условия, которые должны соблюдать вооруженные силы при ведении боевых действий. Выполнение данного правила должно, на наш взгляд, устанавливаться в случае причинения вреда защищаемым I ДП объектам и лицам для исключения факта совершения военного преступления, то есть наличие прямо причинно-следственной связи между невыполненными условиями и наступившими последствиями. Поэтому с учетом специфики самих военных действий, сложности фактической оценки обстановки и других обстоятельств конкретные статьи I ДП должны быть перечислены как возможные для прямого применения органами государственной власти при выявлении фактов, квалификации военных преступлений и решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за их совершение. Эти правила могут быть закреплены в специальном законе «О пресечении военных преступлений» наравне с другими важными нормами.

II ДП к Женевским конвенциям, в соответствии с его положениями, применяется к воору-

¹ СК возбудил дело о покушении на журналиста «России сегодня» в ЛНР. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20220524/pokushenie-1790330878.html> (дата обращения: 10.01.2024).

женным конфликтам немеждународного характера. Ученые отмечают различные особенности относительно содержания данного документа. Его разработка и принятие были весьма сложным процессом, поскольку государства не преследовали цель регламентировать вопросы гражданских войн, ссылаясь на принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства. Так, проф. П.П. Степанов отмечает, что в тексте не используются термины «военные преступления» и «серьезные нарушения», которые характерны для Женевских конвенций и I ДП [9, с. 88 – 90].

До принятия данного документа во всех ЖК действовала общая ст. 3, где указаны требования по применению конкретных правил к таким вооруженным конфликтам. Поскольку специфика видов самих конфликтов не является предметом нашего исследования, отметим лишь одно важное обстоятельство.

Вооруженный конфликт немеждународного характера происходит внутри конкретного государства, соответственно, на него не могут в полном объеме распространяться нормы международного права, поскольку это внутреннее дело самого государства. Поэтому при закреплении ст. 3 в Женевских конвенциях устанавливалось обязательство государств соблюдать определенные международные нормы в таких конфликтах.

Например, противоборствующая сторона вооруженного конфликта немеждународного характера не рассматривается в качестве комбатантов, и при их захвате такие действия не рассматриваются как захват в плен, а сами лица – как военнопленные. Однако в отношении них, как и других участников такого конфликта, не могут быть совершены какие-либо преступные деяния. Перечень последних включает: посягательство на жизнь, убийство, увечья, жестокое обращение, пытки, истязания; посягательство на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение; взятие заложников; незаконное осуждение и наказание. Таким образом, несмотря на причины конкретного вооруженного конфликта немеждународного характера, лица, в нем участвующие, имеют право на соблюдение их прав и защиту от посягательства.

Практика последующих лет после вступления в силу Женевских конвенций 1949 г. показала необходимость более детальной регламентации

международных гуманитарных норм, применимых в вооруженном конфликте немеждународного характера. Рассмотрим положения II ДП в преломлении к интересующему нас вопросу – военным преступлениям.

Так, п. 2 ст. 4 II ДП¹ содержит более подробный перечень деяний, которые запрещено совершать в отношении лиц, принимающих или принимавших участие в вооруженном конфликте немеждународного характера. К указанным в ст. 3 ЖК добавились такие деяния, как коллективные наказания, акты терроризма, рабство и работорговля; грабеж; принудительное перемещение. Таким образом, Протокол закрепляет военные преступления, совершаемые в отношении всех лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций и самого документа.

В рассматриваемом соглашении закреплены и некоторые запрещенные методы ведения военных действий, предусмотренные изначально в IV ЖК, но применительно к вооруженному конфликту немеждународного характера. Установлен запрет нападения на гражданское население; запрет использовать голод как метод ведения военных действий; запрет нападать на объекты, содержащие опасные силы (плотины, дамбы, атомные установки); враждебные акты в отношении объектов исторического, религиозного и культурного наследия.

Таким образом, несмотря на ограниченность возможности применения международных норм в вооруженном конфликте немеждународного характера, II ДП закрепил определенные правила действия положений всех Женевских конвенций и ряд новых для пресечения совершения военных преступлений.

III ДП² появился гораздо позднее, в 2005 году, и посвящен вопросам более детального международно-правового регулирования использования эмблемы Женевских конвенций и иных международных организаций в любом вооруженном конфликте. Исходя из его положений, установления дополнительной эмблемы и конкретизации механизма защиты всех эмблем, на наш взгляд, следует закрепить такой состав военного преступления, как: незаконное использование установленных эмблем Женевских конвенций и III ДП или злоупотребление ими, повлекшие гибель людей или иные серьезные последствия.

В качестве примера рассмотрим многочисленные сведения об использовании официальных

¹ Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 10.10.2023).

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы 2005 г. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/protocol_iii_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

зданий регионального Красного Креста на территории Украины в качестве места для размещения вооружений и их дальнейшего использования¹. На наш взгляд, в данном случае действия следует рассматривать именно как вероломное использование эмблемы Красного Креста, поскольку присутствует избирательность в выборе гражданского объекта для размещения вооружений с целью использования статуса его защиты и введения в заблуждения противной стороны. Нарушение международного обязательства выражается в самом факте вероломного использования, в данном случае не имеет значения наступление последствий для признания деяния военным преступлением.

Необходимо отметить, что мировой практике известно достаточное количество случаев таких действий. Поэтому рассмотрение этих фактов в качестве военных преступлений и привлечение к ответственности могут способствовать реализации всех положений норм международного гуманитарного права, защите статуса международных гуманитарных структур и их деятельности. Такие преступные действия можно рассматривать в качестве вероломства, которое тоже относится к военным преступлениям. Согласно ст. 6 III ДП, «Стороны принимают меры, необходимые для предотвращения и пресечения во всякое время любого неправомерного использования отличительных эмблем, и их наименований, включая вероломное использование и использование любых знаков и наименований, являющихся их имитацией»². Ч. 1 ст. 356 УК РФ в рамках указания альтернативных действий не закрепляет вероломное использование отличительной эмблемы Женевских конвенций. Для возможности квалификации таких преступных действий именно в качестве военного преступления, учитывая специфику его совершения и распространенность, по-нашему мнению, стоит рассмотреть возможность их закрепления в качестве самостоятельного состава преступления.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ действующих Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г. как источников толкования ст. 356 УК РФ позволяет сделать ряд выводов.

Данные документы следует рассматривать одновременно с положениями самих Женевских конвенций, поскольку они их дополняют и конкретизируют. ДП I содержит большое количество запрещенных методов ведения военных действий,

которые в Женевских конвенциях либо излагались поверхностно, либо не были закреплены. Наличие в ДП I детализации запретных деяний в нарушение правового статуса и защиты жертв и участников вооруженных конфликтов позволяют дать более качественную оценку преступных действий с учетом закрепленных условий и квалифицировать такие деяния как военные преступления.

ДП II закрепляет запрещенные действия в отношении всех участников вооруженного конфликта немеждународного характера и лиц, находящихся под защитой ЖК. Соответственно, вид вооруженного конфликта не влияет на оценку совершаемых военных преступлений, ответственность за которые должна быть установлена в любом случае. Представленная характеристика положений ДП II ставит вопрос: есть ли юридическая необходимость отдельно закреплять составы военных преступлений, совершаемые в вооруженном конфликте немеждународного характера; либо данное обстоятельство, как дополнительный квалифицирующий признак, может быть закреплено в соответствующем перечне в рамках предлагаемого закона?

Все Дополнительные протоколы закрепили новые объекты защиты (плотины, дамбы, атомные установки, культурные ценности) и категории лиц защиты (журналисты, беженцы, апатриды, партизаны), нарушение правового статуса которых следует рассматривать как военные преступления.

Таким образом, ч. 1 ст. 356 УК РФ нуждается в корректировке посредством конкретизации покровительствуемых лиц и объектов, находящихся под защитой конвенций. В настоящее время отсутствие такого закрепления приводит к квалификации преступлений по другим статьям УК РФ. Данное обстоятельство имеет особое значение в связи с ростом посягательств на журналистов, находящихся при исполнении своих профессиональных обязанностей на территории боевых действий, а также систематическом разрушении гражданских объектов.

Отсутствие конкретизации в диспозиции рассматриваемой нормы (ч. 1 ст. 356 УК РФ) методов создает вопросы в квалификации преступных деяний. Поэтому в УК РФ необходимо закрепить в качестве военных преступлений указание конкретных запрещенных методов ведения войны. В качестве таковых могут быть определены: бомбардировка гражданских объектов, запрет вероломства; запрет использовать отличитель-

¹ Заявление Межведомственного координационного штаба Российской Федерации по гуманитарному реагированию. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12428122@egNews (дата обращения: 14.01.2024).

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы 2005 г. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/protocol_iii_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

ные эмблемы МККК и других международных признанных эмблем, знаков и сигналов; запрет использовать национальные флаги, эмблемы нейтральных государств или государств – неучастников конфликта; запрет приказа не оставлять никого в живых и другие.

Представленные особенности международно-правового закрепления запретов в вооруженных конфликтах должны получить детальную регламентацию в национальном уголовном законодательстве для неотвратимости наказания за их нарушение в виде военных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эфендиев О.Ф. О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 22 – 27.
2. Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 320 (10). С. 60 – 81.
3. Прадун Д.С. Механизм обеспечения выполнения Россией обязательства, вытекающего из статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Российское право онлайн. 2017. № 3. С. 66 – 76.
4. Щегуренкова А.С. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 144 – 147.
5. Прохоров Л.А. К вопросу об определении понятия содержания понятия «экоцид» // Очерки новейшей камералистики. 2019. № 1. С. 38 – 40.
6. Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 85 – 89.
7. Лисаускайте В.В. Преступления со специфическим статусом по международному уголовному праву // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 107 – 115.
8. Бугаева П.Н. Защита прав журналистов в условиях вооруженных конфликтов // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-zhurnalistov-v-usloviyah-vooruzhennyh-konfliktov>.
9. Степанов П.П. Становление отечественного законодательства об уголовной ответственности за совершение военных преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 77 – 100.

REFERENCES

1. Efendiev O.F. O voennyh prestupleniyah v sisteme zakonov i obychaev vojny // Voенno-yuridicheskij zhurnal. 2006. № 11. S. 22 – 27.
2. Kozirnik R. Protokoly 1977 g. – vazhnyj etap razvitiya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta. 1997. № 320 (10). S. 60 – 81.
3. Pradun D.S. Mekhanizm obespecheniya vypolneniya Rossiej obyazatel'stva, vytekayushchego iz stat'i 36 Dopolnitel'nogo protokola I 1977 g. k ZHenevskim konvenciyam 1949 g. // Rossijskoe pravo onlajn. 2017. № 3. S. 66 – 76.
4. SHCHegurenkova A.S. Ekocid: problemy zakonodatel'noj reglamentacii i kvalifikacii // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2019. № 3. S. 144 – 147.
5. Prohorov L.A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya sodержaniya ponyatiya «ekocid» // Oчерki novejshej kameralistiki. 2019. № 1. S. 38 – 40.
6. Davitadze M.D. Ekocid kak prestuplenie protiv bezopasnosti chelovechestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 7. S. 85 – 89.
7. Lisauskajte V.V. Prestupleniya so specificheskim statusom po mezhdunarodnomu ugolovnomu pravu // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2010. № 2 (49). S. 107 – 115.
8. Bugaeva P.N. Zashchita prav zhurnalistov v usloviyah vooruzhennyh konfliktov // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-zhurnalistov-v-usloviyah-vooruzhennyh-konfliktov>.
9. Stepanov P.P. Stanovlenie otechestvennogo zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie voennyh prestuplenij // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2018. № 1. S. 77 – 100.

Информация об авторе:

Лисаускайте Валентина Вlado, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, vlado@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Lisauskaite Valentina V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of MIA of Russia, vlado@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 22.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.